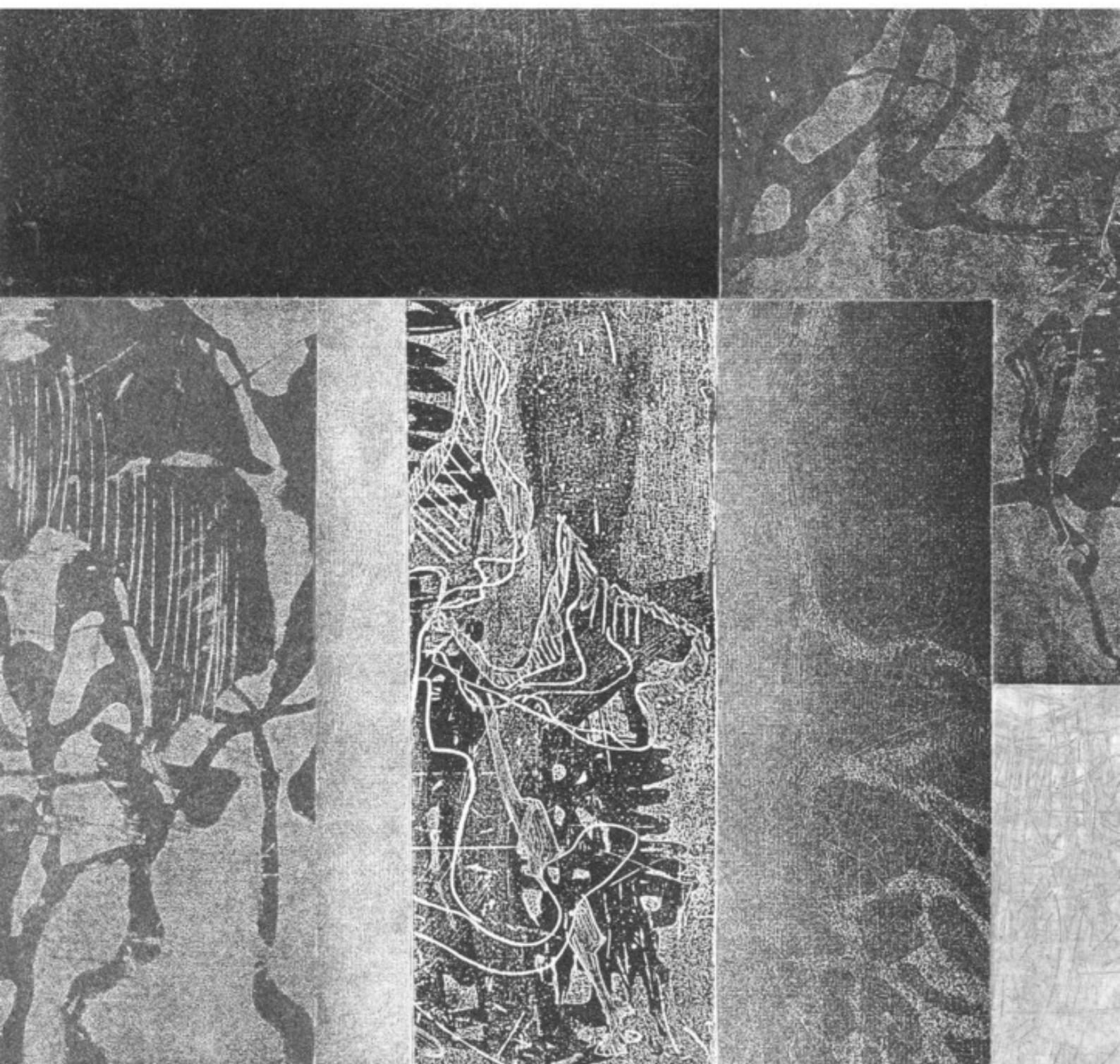

Павел Алешин

Ветер

Книга стихов

Павел Алешин
Ветер. Книга стихов

«Издательские решения»

Алешин П.

Ветер. Книга стихов / П. Алешин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960449-1

В эту книгу вошли стихи, написанные в 2017–2018 годах, а также три перевода из древнегреческой поэзии и два небольших эссе: одно — о Микеланджело, второе — о Михаиле Врубеле.

ISBN 978-5-44-960449-1

© Алешин П.
© Издательские решения

Содержание

Сквозь облака на ощупь	6
Элегия вина	6
«Сквозь облака на ощупь...»	7
Облака	8
«Я постигнул свободу ритмов...»	10
«Целуя, твои меня...»	11
Алкей – Сапфо	12
Ветер	13
I	13
II	13
III	13
IV	14
V	15
VI	15
VII	15
Черногория	17
«Море у ног моих, и соловьи...»	17
«Эрос и Эос, и шелест камней, ускользящий в пальцах...»	18
«Мне хочется, чтобы это пел соловей...»	19
«Оливы и кипарисы...»	20
«Жасмин и сон. И копыта кипарисов...»	21
Осень	22
Осенняя элегия	22
осенний вечер	23
Осень	24
Снежный свет	25
«В преддверии снега...»	25
«Любимая проснулась. Нежность...»	26
«Как первый снег, еще не отличимый...»	27
«Любимая – рядом. Во сне...»	28
«Умолкла ночь в беззвездности небесной и упала...»	29
«Нет сладостнее, тише поцелуя...»	30
«Я люблю это белое, вьюжное...»	31
«Выснежилось небо...»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ветер Книга стихов

Павел Алешин

*Вдох. Выдох. Поэзия – это дыхание. Мое дыхание – о тебе,
нежность моя. Ты – мое дыхание.*

Иллюстратор Елена Алешина

© Павел Алешин, 2018

© Елена Алешина, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4496-0449-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сквозь облака на ощупь

Элегия вина

Напиток славный, дар языческих богов
и кровь Христа, распятого живого Бога!
ты то молчишь, касаясь нежно берегов
уставших вен, то разъяренной носорога
из них на волю рвешься – в омуты забвенья,
кидая в стороны – во все – сердцебиенье.

Молчанье – лучше. Пусть обманчив твой покой,
пусть краток он, но сладок терпкий вкус участия:
коль виноград был собран доброю рукой,
то хоть на миг, покой подарит сердцу счастье —
и даже если не заслужено оно.
Но к милосердным милосердней ты, вино.

Неистовство – твоя вторая сторона —
в них разразится бурей сердца, а не действием,
а невоздержанных сметет его волна
и непотребство их усилит непотребством.
Как всякий дар, ты раскрываешь в каждом суть,
Кому тупик укажешь, а кому-то – путь.

И есть немногие, кто в даре дар найдут,
не истину, а вдохновение живое —
и чем случайней, тем вернее обретут,
и перейдут через забвенье роковое,
и там мелодию, неслышимую здесь,
услышат и о ней, вернувшись, сложат песнь.

«Сквозь облака на ощупь...»

Раньше я разумом жизнь постигал, но теперь я иду на ощупь.
Мне не хочется, чтобы мысль летела быстрее тела.
Прикосновение не обманет
(Ничто не сравнится с этим: за руку взять любимую)
Воздух сегодня иной: его тоже можно коснуться рукой,
поддержать немного и отпустить —
пускай летит беспрепятственно туда, куда хочет.

Ты, вспенившееся облаками, небо, ты отчего так глядишь на нас?
Сколько глаз у тебя, сколько звезд? Сколько раз
ты меняешь улыбку в минуту?

Доброе, щедрое, небо!
Видишь, как маки любят тебя —
тянутся, тянутся, лепестки теряя, роняя на землю,
но – тянутся ввысь, к тебе.

Если бы мы так же тянулись к тебе! Несмотря ни на что...

Отчего
ты порою тунику свою белоснежную
меняешь на серую тогу
и прячешь тело свое, черное и голубое? —
Сколько на нем узоров-звезд оставляем мы взорами ночью?

Я тоже буду тянуться к тебе
и сквозь жизнь буду дальше идти на ощупь:
руку одну – вперед, а в другой (видишь?) – рука любимой.
И вдвоем мы ночью посмотрим наверх —
посмотрим, какие сегодня узоры
нарисовали тебе уже
и какие мы можем добавить.

Облака

1
Белые, серые,
на закате – в красках розовых,
в грозы – лиловые,
и солнца осыпаны охрой.
Вздохи небесные,
ласковые, суровые
(А за ними – голубые фрески,
белизна церкви, спрятанной в перелеске).

2
Каждое – голос. Слышишь?
Каждое – жажда лететь, каждое – жажда литься —
землю бескрайнюю целовать,
целую: осыпать
поцелуями тонкими лица
звонких полей. Слышишь?
Дышат как нервно капли,
как трепещут от холода камни...

3
Отзвуки, отголоски, тени —
белые, только не под, а над.
Погляди, но погляди не вперед, а назад
в сени
воспоминаний грядущих:
все неземное, растущее —
было и будет, и новое станет.
И ему улыбнутся ставни.

4
Их безмолвие у молчания озера Неро.
На рассвете скажи мне, о том же ль молчишь,
радостно,
ты, улыбаясь. И я уберу за ненужностью
письмена, что выдумывал, чтобы плести
кружево, им подобное,
но – земное, растущее. И – свободное.

5
А руки твои опять —
в волнах моих волос:
так погружаешь ты их
в каждый
жаждущий снежности голос.
Пальцы ныряют твои

в нежности той белизны,
той, что мы видим, как видим сны.

б
Россыпи света и —
один простор над другим,
а между ними — дышим свободой — мы,
между нежно-зеленым и солнечно-голубым,
а между ними — золотая льющия псалмы,
сквозь белые, серые,
сквозь в грозы лиловые,
сквозь вечные, древние, новые.

«Я постигнул свободу ритмов...»

Я постигнул свободу ритмов, но все еще скован словами. О, эти слова, изменчивые, как облака в тихий летний день! Неужели эти бело-серые громады осязаемы? А за ними – синева, а за нею – черное: ночь, космос, в котором рассыпаны звезды-псалмы. Разве не видишь, как я, бесконечную ночь в этой синеве? (Или: за ней, или: внутри нее?) Я могу протянуть руку и дотянуться до любого облака, до любого слова, до любого камня, летящего в небе. Я тяну руку...

– Кто вы?

– Ангелы, вылепленные из света. Созерцание – наша жизнь.

– Кто вы?

– Ангелы: мы – замеревшие рассветы, и дыхание – наша жизнь...

А любимая – здесь, солнце. Ее руки такие нежные. Она, сама не зная об этом, творит облака, ее руки лепят их, придают им форму, бесконечно меняют их очертания, я не могу уследить за всеми, я не могу увидеть тебя полностью, море.

...Море, грядущее море, грядущего – море. Мы уже в твоих волнах, я чувствую, как с пальцев любимой падают капли волн, как сияют они в дуновении зелени.

– Отчего так разрослась жимолость?

– О ней заботились, любимый: она вылеплена из света.

– Из какого?

– Из синего света, разве не видишь? Разве не видишь, там, за синевой – ночь, в которой рассыпаны звезды-псалмы, а за нею – свет?...

Дуновение зелени. Стрелы кипарисов вечно вонзаются в небо. Там, у грядущего моря.

– Это не стрелы, это пальцы земли касаются облаков, лепят их, придают им форму, бесконечно меняют их очертания...

Я все еще скован словами, а ты так свободна. Но я пойму эти бело-серые громады и разольюсь синевой.

«Целуя, твои меня...»

Целуя, твори меня,
как я со-творяю тебя, целуя.
Творя, называй меня,
как я называю тебя, целуя.

Целуй, твори, называй:
солнце, луна, звезды.
Целуй, твори, призывай
солнце, луну, звезды.

Видишь: река – назови,
и ее назови тоже
так, как хочется, и яви
этим именем, что течет она строже,
чем судьба и чем дождь —
и его назови тоже;
будет новое, вечное новое
имя-действие, потому что схожи

будут звуки
букв,
ставших вдруг облаками, – со звоном
капель,
упавших на нашу любовь,
в наши бездонные руки.

Алкей – Сапфо

Сладкоголосая, нежная сердцем, Сапфо,
взор свой не прячь от меня!
Винную чашу мою на пиру
жизненном ты до краев
песней любовной наполни!
И изобильное слов твоих пенных вино
пусть разольется в душе
радости морем.
Чашу мы выпьем с тобою
за Афродиту и все ее блага,
после – за Зевса, держателя мира,
за Аполлона и муз.
И напоследок —
мы Дионису хвалу вознесем,
вечному, смертному богу.

Ветер

Маленькая поэма

I

Этот же ветер, вплетающий солнце в листву,
этот же ветер, мешающий небо и море,
этот же ветер, целующий губы твои,
этот же ветер, несущий молчанье пустыни,
этот же ветер – который сейчас у меня,
у меня на глазах, незримый, танцует,
этот же ветер, бессмертный и смертный,
этот же ветер, но в ту же секунду – иной,
этот же ветер, любимая, мы услышим с тобой,
этот же ветер, любимая, вплетет солнце в листву,
этот же ветер, любимая, смешает небо и море
(это мы будем небом и морем),
этот же ветер, любимая, будет нашим с тобой поцелуем
(мы будем его поцелуем)
Это же ветер, любимая, развеет слова по пустыне
(и пустыня не будет безмолвной)
Этот же ветер, любимая, будет всегда танцевать,
нашими взглядами будет потом танцевать,
нашими взглядами – будет, незримый,
нашими взглядами будет, бессмертный и смертный,
этот же ветер, любимая, бывший и сбывшийся в звездах,
это он, это он уже здесь, это он – еще будет.

II

Ветер рождается там, откуда падают звезды,
там, где небо роняет слезы
на тела изумрудные снов и полей,

там, откуда низвергается пламенем солнце
в самые звонкие раны
радости, осеняющей лики морей,

там, откуда вырывается голос каждого,
одинокий – ибо голос и есть одиночество,
воплощенная жажда рукопожатия,
поцелуя, объятия, взгляда, улыбки – ответа,
или хотя бы отзвука, просто эха.

III

Тот ветер я не забуду:

снег еще сиял на земле, почти обнаженной,
на земле, помнящей тебя еще девочкой.
И ветер тоже помнил тебя такой.

Белые звезды снега. Золото вздохов солнца.
Страстный ветер, холодный ветер, яркий ветер.

А синева была натянута, как струна.
Как струна, было натянута мое сердце.

Ветер был такой яркий, что слепил глаза.
Мои глаза. И твои глаза.
И твою улыбку.

Холодный ветер, страстный ветер.
Обжигающий ветер.

А еще – он помнил,
как девочкой ты бегала по этой земле.
А теперь (то есть: тогда)
он запоминал,
как наши тени сливались на этой земле,
на этой земле – в одну.

Тот ветер я не забуду.

IV

Вечер как ветер.
Россыпи дуновений, россыпи нот золотых.

И – вдруг, ни с того, ни с сего —
неподвижность.

Память.

Это не листья сейчас шелестели,
это память,
ее осколки, ее пепелинки

кружились, кружились
и – вдруг, ни с того, ни с сего —
остановились, застыли

в воздухе.

(Ветер молчит)

V

Там, где сердце, звенели грядущие ночи
их нечаянным счастьем, водой золотой,
там, где сердце, и прошлые ночи звенели
их отчаянным счастьем, морозной луной —

там грядущий наш ветер, как новые, помнил
неземные в подлунной метели снега,
там и прошлый наш ветер предсказывал, верил,
засверкают что морем у гор берега.

Там, где сердце – как веер, порыв и дыхание,
где жасмины и жимолость, сны жакаранд,
там, где сердце – как песня любовного знамени,
где объятье – не камень, а слов бумеранг,

там, где сердце – волна, горе смывшая радостью
(оттого эпилог превратился в пролог),
там, где сердце – гора, опьяненная пламенем,
там, овеванный нежностью, путь наш пролег.

Аллилуйя лазури, губам твоим, свежесть!
(этой хрупкости бабочки, тонкости рук)
Аллилуйя рассвету, и, полночь, тебе аллилуйя!
Там, где сердце, – не будет ни мук, ни разлук.

VI

Сердце раньше было оловом,
стало – золотом.
Ты, мой ветер, стала словом,
поворотом —

от рассеянности к звездности,
от печали к радости.
Те, кто звались счастьем *гости*,
стали страстью.

Ты – мой ветер, нежность.

VII

И ветер. Ты спишь, осененная ночью,
порою – луною и вечно – любовью,
как прежде – закатом, как вскоре – рассветом,
проснувшись, моею ты будешь и – небом.

И ветер. Его беспричинная воля.
И воспоминанья грядущего моря,
и дождь, и малиновых молний осколки,
и озера всплески, и кроткие вздохи.

И ветер. И сон твой, твое пробужденье,
и тело в закате, и взгляд на рассвете,
и сердце нагое, что слышать желанно,
и где бы то ни было вечное танго.

И ветер, и сердце любовью нагое.
Твое пробужденье и слов моих море.

Черногория

«Море у ног моих, и соловьи...»

Море у ног моих, и соловьи
заплетают полетами-песнями мое серебро,
радужное мое серебро.

Руки мои —
отблески волн и луны,
позолоченные полднем.

Путник, постой, оглянись и прислушайся
к морю и к ветру,
к моей тишине.

Путник, прислушайся —
ты
сможешь услышать себя.

«Эрос и Эос, и шелест камней, ускользящий в пальцах...»

Эрос и Эос, и шелест камней, ускользящий в пальцах,
женское тело в гекзаметрах волн.

Вся ты была поцелуем и с тем разлилась поцелуем
страсть имена раздавать —

называть эти камни, и волны, и солнце, и женское тело,
ветер, тот ветер, что спит в парусах —
белых, серебряных, нежных и снежных, в далеких вершинах,
дремлющих облаком гор.

Эрос и Эос, и волосы вьются твои в этом солнце
лунным оттенком олив.

Боги здесь жили и будут здесь жить. Обнаженное тело
вечное, женское — в шелесте волн.

«Мне хочется, чтобы это пел соловей...»

Мне хочется, чтобы это пел соловей —
эта птица, звенящая где—то в оливах.
Все бессмертное, смертное в песне развей
в кипарисовых рощах, в прозрачных заливах.

С этой песнею слиться, взлететь по горам,
и небес серебристых коснуться,
бросить взгляд великаний на маленький храм
и волною морской обернуться.

Пой рассветную песню, осенний певец!
ту, что вечна и неповторима —
из которой сплетается солнца венец,
ту, что слышится в дантовых *rime*.

Мне хочется, чтобы это пел соловей,
эта вечно бессмертная смертная птица.

«Оливы и кипарисы...»

Оливы и кипарисы
горы
заросли дрока желтые ирисы

Оливы и кипарисы
море
целует заливами землю
и в ней пробуждаются горы

«Жасмин и сон. И копия кипарисов...»

Жасмин и сон. И копия кипарисов
возносятся огнем зеленых нот.
И небо смотрит в море с удивленьем,
как в зеркало, которое себя
поэтому воспринимает небом.
Поет песок под легкими стопами
идушей в танце женщины нагой —
неведомо куда всегда идущей.
И волны изумрудные ей – дом,
и звезды, так мерцающие ночью,
что виден свет их в нежном взоре днем.
А горы спят, баюкает их солнце,
и рощи спят, баюкает их ветер:
оливы в них осыпаны луной.

Осень

Осенняя элегия

Шелест листьев, созвездий зеленых, мерцающих в тающем солнце.
Шепот крыльев. И имя печальное осени эхо венчает.
Посмотри: это вечер. Он горше осеннего ветра, но вечен
не порыв его горький – его драгоценное время,
память, что бронзой листвы осыпается, с солнцем сливаясь,

с солнцем сливаясь... развеяны в воздухе звонкие поцелуи
влюбленных, не знающих горечи осени, или же лучше
всех остальных ее знающих и оттого засиявших,
чтобы и вечером осени, солнцу подобно, взошли поцелуи,
чтобы ночью сияли они, свежие в лунном дыханье,

в лунном дыханье... колышутся в лунном дыханье и тени,
тени прошедшего, тени грядущего, тени живого:
вспоминанья забытые, слуха коснувшиеся предсказанья.
В лунной реке серебра, в золоте солнц поцелуев —
улицы города, скамейки, кафе, рестораны и парки.

Парки и улицы города, а над ними и в них —
а над ними и в них – неспящее сердце.

осенний вечер

Осенний вечер – вновь скрещенных наших рук
с луной танцующие тени.
Пьянея с нею светом, мы расслышим вдруг
листву колышимых видений.
Дождями осени пусть льются голоса,
Пусть осень – звон листвы опавшей.
Любовью звездною сияют небеса —
зимую *тою* запылавшей.

Осень

Осень – шелест страстный
слов и снов, листвы,
света звон неясный,
зоркость синевы.

Тонкость осязания,
хрупкость немоты,
близость расстоянья
от и до мечты.

Мыслей истонченье,
ритмов миражи,
резкость золоченья,
ветра мятежи.

Многого не надо,
если сны слышны:
днем – печали сада.
ночью – тишины.

СНЕЖНЫЙ СВЕТ

«В преддверии снега...»

В преддверии снега,
в предвестии света —
безветрие поля,
предсмертие горя.

Морозы всю свежесть
и розы всю нежность
развеют по ветру
и верному сердцу.

Раскинутся дали
грядущие сами,
минувшие – с ними
под куполом сини.

И будет покоя
раздолье и воля.
Всевластие снега
и царствие света.

«Любимая проснулась. Нежность...»

Любимая проснулась. Нежность.
А за окном – снега, снега.
Всегда бела снегов безбрежность,
и нежность пламенна всегда.

И эта нежность в круговерти
все закружила – синеву
и белизну, и без усердия
рассвет явила наяву.

Напротив солнца – камень лунный
глядит, как зеркало, в него.
Улыбок, вздохов, взглядов руны —
не зазеркалья торжество!

Разлейся золотою негой,
о, поцелуй живой зари —
разлейся светом ты и снегом,
которым льются ноябри.

«Как первый снег, еще не отличимый...»

Как первый снег, еще не отличимый
от капелек, уже не отличимых
от первых нас целующих снежинок,
нисходит нежность, белая в ночи —
в таком простом, в таком неожиданном платье,
в таком волшебном платье тишины,
и улыбается: нечаянно – так снег,
так первый снег неожиданно осязаем,
как поцелуй, растаявший в руках,
не на устах еще запечатленный,
пока еще – обещанный устам.
Вот первый снег, навеки различимый
кристальностью снежинок дождевых,
вот капельки снежинок на устах!

«Любимая – рядом. Во сне...»

Любимая – рядом. Во сне
могу я быть нежным и слабым.
Мне нравится, что в тишине —
что в нашей с тобой тишине —
могу я быть истинно храбрым,
быть истинно – слабостью – храбрым,
когда ты так жмешься ко мне.

За окнами – города луг,
ноябрьская серая хмурость
и марево будущих выюг,
моря милосердные выюг,
в которых волнуется мудрость,
волнуется честности мудрость —
для воздуха чистого плуг.

Я – рядом, любимая. Спи.
Поведай своим мне дыханьем,
что видишь сейчас ты в степи —
в своих сновидений степи,
впусти меня – вместе мы станем
бродить в этой ясной степи.

Ведь сны зимой – звездная степь.
А после – проснемся. И здесь,
где хмурая осени серость,
расслышим мы нежную песнь
о том, что есть в серости – светлость.

«Умолкла ночь в беззвездности небесной и упала...»

Умолкла ночь в беззвездности небесной и упала
на землю, словно снег, покровом ровным до зари,
непрекращающимся таинством. Но времени так мало.
Успею ли, луна, пока следами серебришь?

Я слышу гул живой и неизбывный гомон нежный
(как больно заплетать слова мне в эту вязь! —
мне не подвластную, что силой осторожной
из ночи в ночь мою с покоем режет связь)

Есть отсветы... недолгие и смертные цезуры
бессмертного – у сердца с нервной немотой.
И нет, пускай, глаза мои – не римские авгуры,
но музыка терзает их своею наготой.

И вырывается она из вен, и на бумагу,
горя, ложится словом, чтобы снова зазвучать,
пусть не из сердца, но из уст – других – живой отвагой,
и слышащий тогда – душой – ей будет отвечать.

«Нет сладостнее, тише поцелуя...»

Нет сладостнее, тише поцелуя —
поцеловать укутанную дремой
любимую и в дымке серебряной
зимы внимать дыханья аллилудье.

Дыхание внимательно всегда,
дыхание – души благоуханье,
таинственное жизни колыханье.
(Услышь, как дышат белые снега!)

Любовь моя, люби любую радость,
а самой малой радуйся вдвойне:
ведь самый малый дар – он самый хрупкий.

Но не пугайся за ее сохранность:
она хранима в сердца глубине,
как мир издревле – в нежности голубки.

«Я люблю это белое, вьюжное...»

Я люблю это белое, вьюжное
предзарождение снега,
и снежинки когда – две и девять – жемчужною
ощущаются россыпью света.

Я люблю, когда звездною поступью
посеребренное небо
можно трогать дыхания ощупью,
каждый вздох когда – нежности невод.

Тогда сердце, счастливое, снежится,
и, как воздух зимы, милосердно,
и ее белизною и свежестью
осеняет, как свет, все, что серо.

«Выснежилось небо...»

Выснежилось небо
белою волшбой.
Кем я раньше не был —
стал теперь с тобой.
(Кто зимою ведал —
ведал и судьбой).

Тихая, как заводь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.